

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

СНЕЖНАЯ СЛЕПОТА
ЗАТМЕНИЕ

МГЛА
ОСТРОВ
ТУМАН

РАГНАР
ЙОНАССОН

МГЛА

Санкт-Петербург

ИСЛАНДИЯ

Северный полярный круг

ДЕНЬ
ПЕРВЫЙ

I

— Как вы меня нашли? — спросила женщина, сидевшая напротив инспектора полиции Хюльды Херманнсдоуттир; ее голос дрожал, а на лице читался испуг.

Хюльда привыкла к такой реакции и не удивлялась тому, что ее собеседники нередко начинали нервничать — даже те из них, которым и скрывать-то было нечего. Отвечать на вопросы полиции — удовольствие сомнительное, независимо от того, идет ли речь о формальном допросе в полицейском участке или о частной беседе, как сейчас. Они сидели в маленьком буфете рядом с кухней для персонала центра сестринского ухода в Рейкьявике — женщина работала там санитаркой. Выглядела она лет на сорок, волосы коротко пострижены, а за печатью усталости на лице — плохо скрываемое волнение, вызванное неожиданным визитом Хюльды. Хотя подобная реакция и могла иметь вполне обычное объяснение, Хюльде все-таки казалось, что совесть ее собеседницы не совсем чиста. За время службы в поли-

ции Хюльда успела пообщаться с таким количеством людей, что с легкостью замечала, когда ей морочили голову. Вероятно, дело было в ее интуиции, но сама Хюльда слова «интуиция» терпеть не могла.

— Как я вас нашла?.. — отозвалась она тихо. — А вы хотели бы, чтоб вас не нашли? — Хюльда, конечно, искадила слова женщины, но иначе разговор не перешел бы в нужное ей русло.

— А? Да нет, что вы...

В воздухе витал легкий запах кофе — не аромат — это было бы громко сказано, скудная обстановка в буфете выглядела обшарпанной и унылой.

Когда женщина убрала со стола руку и снова оперлась на нее щекой, на столешнице остались следы ее вспотевших пальцев. В обычных обстоятельствах Хюльда была бы довольна — это могло быть явным признаком того, что она нашла преступника, — но на этот раз ничего подобного она не испытывала.

— Мне необходимо поговорить с вами о происшествии, случившемся на прошлой неделе, — сказала Хюльда после недолгого молчания.

Она произнесла эти слова несколько торопливо, но мягко. В работе Хюльда старалась сохранять позитивный настрой, даже когда стоявшая перед ней задача была не из простых, как, например, сейчас. По вечерам, оказавшись дома наедине с собой, она порой становилась совершенно другим человеком — энергия иссякала, и на нее

наваливалась усталость, она чувствовала себя подавленной и удрученной.

Женщина кивнула, и было ясно как божий день, что она понимает, каким будет следующий вопрос.

— Где вы были в пятницу утром?

Ответ не заставил себя ждать:

— На работе, насколько я помню.

В определенном смысле Хюльда испытывала облегчение, когда замечала, что ее визави прикладывает все усилия, чтобы не сдать без боя.

— Вы в этом уверены? — уточнила она, наблюдая за реакцией женщины.

Скрестив руки, Хюльда откинулась на спинку стула, как и всегда, когда проводила допрос. Она знала, что в этой позе можно усмотреть недостаток сочувствия или признак того, что она пытается обезопасить себя. Какое там! В подобных обстоятельствах она просто не знала, чем занять руки, чтобы они не мешали ей сосредоточиться. Ну а что до сочувствия, то нужды проявлять ее сверх меры Хюльда не испытывала — ее работа и без того требовала немалых жертв. А работу свою она выполняла честно и основательно, порой даже одержимо — старалась не ударить в грязь лицом.

— Вы уверены? — повторила она. — Это легко проверить. Будет досадно, если я уличу вас во лжи.

Женщина молчала, но ей было явно не по себе.

— Был совершен наезд на мужчину, — произнесла Хюльда ровным тоном.

— Наезд?

— Да, и вы наверняка читали об этом в газетах или видели в новостях.

— Ну да, возможно.

После небольшой паузы женщина добавила:

— Как он?

— Он выкарабкается, если вас это интересует.

— Нет, ну что вы... Я...

— Но он никогда не восстановится полностью... Он еще без сознания. Так вы в курсе дела?

— Я... вроде бы читала об этом... — ответила женщина.

— В газетах этого не писали, но он отсидевший срок педофил.

Женщина никак не отреагировала, поэтому Хюльда продолжила:

— Вы же наверняка знали об этом, когда сбили его.

Реакции вновь не последовало.

— Его приговорили много лет назад, и он отбыл весь срок...

Женщина перебила Хюльду:

— Почему вы считаете, что я к этому причастна?

— Я как раз говорила вам, что он отбыл наказание. Но, как выяснило следствие, своих пороков не изжил. Многие указывало на то, что наезд был совершен намеренно, поэтому мы схо-

дили домой к потерпевшему, чтобы разобраться в причинах случившегося. И обнаружили там все эти фотографии...

— Фотографии? — Теперь женщина сильно изменилась в лице. — Чьи фотографии? — спросила она с дрожью в голосе.

— Детей, — сказала Хюльда.

Было очевидно, что женщине хочется спросить что-то еще, но она сдержалась.

— В частности, вашего сына, — добавила Хюльда в ответ на немой вопрос.

Тут глаза ее собеседницы наполнились слезами.

— Фотографии... моего сына... — Ее голос прерывался от всхлипываний.

— Почему вы не сообщили в полицию? — спросила Хюльда решительно, но стараясь, чтобы ее голос не звучал чересчур резко.

— Ну... Я не знаю. Я, конечно, должна была это сделать, вы же понимаете... Но я думала только о нем — о моем мальчике, я не хотела, чтобы он через это проходил. Ему пришлось бы... рассказать обо всем... давать показания. Может, это было ошибкой...

— Сбить того человека — да.

Немного поколебавшись, женщина продолжила:

— Да... но ведь...

Хюльда ждала. Она хотела дать своей собеседнице время собраться с духом и признаться.

Впрочем, никакого удовлетворения оттого, что дело раскрыто, Хюльда не испытывала: язык не поворачивался назвать сидящую напротив нее женщину преступницей. Хотя и отрицать ее вины тоже нельзя. Если уж на то пошло, она скорее жертва.

Женщина дала волю слезам.

— Я... я следила... — Казалось, она не в состоянии продолжать.

— Вы следили за ним? Вы живете в одном районе, верно?

— Да... — прошептала она сквозь рыдания. — Я не спускала глаз с этого мерзавца. Я не хотела, чтобы он принялся за старое. — Казалось, гнев придал ей сил. — Я просыпалась по ночам от кошмаров: мне снилось, что он выбрал себе новую жертву. И... и... что это моя вина, потому что я не заявила на него. Понимаете? — Она продолжала всхлипывать.

Хюльда сочувственно кивала — ей искренне было жаль эту женщину.

— И вот я увидела его прямо возле школы — я как раз отвезла туда сына. Я припарковала машину и стала наблюдать, как он разговаривает с какими-то мальчишками. Меня просто затрясло от этой его отвратительной ухмылки... Уходить со школьного двора он не спешил — явно опять вышел на охоту. Верно говорят, что горбатого могила исправит. — Она вытирала слезы со щек, но они продолжали литься ручьем.

— Это так.

— И тут представился случай — совершенно неожиданно. Я поехала за ним от школы. Когда этот подонок стал переходить дорогу, у меня будто помутился рассудок, и я нажала на газ. Других людей там не было, так что меня никто не видел. Не знаю, что на меня в тот момент нашло. — Женщина снова расплакалась и закрыла лицо руками. Затем она продолжила, голос у нее дрожал: — Я не хотела убивать его. Все произошло само собой. Я просто обезумела от страха и ненависти. Что же теперь будет? Я не могу... Я не могу сесть в тюрьму. Мы живем вдвоем с сыном. Его отец — никчемный тип. Он точно не захочет забрать сына к себе.

Хюльда поднялась и осторожно положила руку на плечо женщины, не произнося ни слова.

II

Молодая мать стояла у стеклянной перегородки и ждала. Как обычно перед посещением дочери, она принарядилась. Ее выходное пальто знавало лучшие времена, но приходилось довольствоваться им, поскольку с деньгами у нее было неважно. Ее всегда просили подождать, словно в наказание за совершенную ею ошибку и чтобы лишний раз напомнить о ее проступке. К довершению всех неприятностей на улице шел дождь, и ее пальто насквозь промокло.

Минуты тянулись в тишине, словно вечность, пока наконец не появилась нянечка с ребенком на руках. Сердце матери было готово выпрыгнуть из груди, как и всегда, когда она видела свою дочь за стеклом. Апатия и безнадежность навалились на нее, но она изо всех сил старалась не подавать виду, хотя это и было нелегко. Конечно, малышке было всего лишь шесть месяцев — как раз сегодня исполнилось — и она вряд ли о чем-либо помнила. Но на уровне подсознания мать понимала, что если у ребенка оставались какие-то вос-

поминания, важно, чтобы они были положительными и радостными.

Девочка, однако, совсем не выглядела обрадованной. Хуже того, она никак не отреагировала на женщину за стеклом. Скорее, казалось, что она смотрит на какую-то странную незнакомку в промокшем пальто, которую видит впервые в жизни. А ведь еще так недавно мать держала ее на руках в родильном отделении.

Женщине разрешили два посещения в неделю, но этого было недостаточно. Каждый раз она чувствовала, что они постепенно отдаляются друг от друга, и девочка теряет с ней связь — всего две встречи в неделю, да и те через стеклянную перегородку.

Мать собралась было что-нибудь сказать дочери — она знала, что та услышит ее через стекло, — но что толку от слов? Ведь их смысла малышка не поймет. Все, что ей нужно, — это теплые мамины объятия.

Изо всех сил сдерживая слезы, женщина улыбнулась и, обращаясь к дочери, вполголоса сказала, как любит ее.

— Кушай хорошо, — говорила она, — и слушайся нянечек.

Но больше всего ей хотелось разбить стекло, выхватить свою малышку из няниных рук, прижать к своей груди и больше никогда не отпускать.

Незаметно для себя она почти вплотную приблизилась к стеклу и слегка постучала по нему. Девочка оживилась и даже едва заметно улыбнулась. На сердце у матери потеплело, а по щеке скатилась первая слеза. Тогда она постучала по стеклу погромче, но ребенок вздрогнул и тоже заплакал.

Инстинктивно женщина принялась колотить все сильнее и сильнее.

— Дайте ее мне! Отдайте мне мою дочь! — кричала она.

Нянечка за перегородкой поспешно поднялась и удалилась с ребенком на руках. А мать все продолжала бить по стеклу и кричать.

Вдруг она почувствовала чью-то руку на своем плече. Прекратив стук, она обернулась и увидела позади себя женщину постарше, с которой она уже встречалась.

— Вы же понимаете, что так дело не пойдет, — мягко проговорила та. — Мы не сможем позволять вам сюда приходить, если вы будете так шуметь. Вы ведь напугаете ребенка, — добавила она.

Эти слова отозвались эхом в мозгу женщины — она слышала их не впервые: мол, слишком тесная привязанность к матери не в интересах ребенка — она лишь приведет к тому, что дожидаться каждого следующего посещения станет труднее; ей следует помнить, что такой порядок установлен исключительно для блага ее дочери.

Эти увещевания были выше ее понимания, но она тщательно это скрывала — сама мысль о том, что ей могут запретить навещать дочь, была невыносима.

Когда женщина снова оказалась на улице под морозящим дождем, она твердо решила, что как только они с дочерью воссоединятся, она ни словом не обмолвится своей малышке об этом ужасном периоде и о стеклянной перегородке, которая их разделяла. Она так надеялась, что эти события полностью сотрутся из памяти ребенка.

III

Закончив разговор с женщиной около шести, Хюльда сразу отправилась домой. Ей было необходимо обдумать свои дальнейшие действия.

Наступало лето, и дни становились длиннее, но солнце не показывалось. Шли бесконечные дожди.

Она еще помнила те времена, когда лето было теплее и солнечнее. И вообще, воспоминаний у нее накопилось много — даже слишком много. Хюльде скоро исполнялось шестьдесят пять. Это казалось невероятным. Неужели ей и правда уже к семидесяти? Хюльда совсем не ощущала себя на эти годы.

Но смириться с возрастом — это одно, а вот смириться с выходом на пенсию — другое. Это гораздо тяжелее. Пенсия все ближе, и ничего с этим не поделаешь. Вообще-то, Хюльда даже представления не имела о том, что за жизнь у пенсионеров. Она, конечно, помнила свою мать, которая превратилась в старушку уже в шестьдесят лет, и даже раньше. Но теперь, когда очередь